

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ТОТАЛИТАРНОЙ И АНТИТОТАЛИТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ В. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Автор анализирует, как разные коммуникативные подходы представлены в романе «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Целью статьи является исследование не столько стиля, сколько типов коммуникативных процессов, выделяемых на основе разграничения манипулятивной и неманипулятивной коммуникаций. Таким образом, исследование проводится в методологических рамках не литературоведения, а лингвистики. Автор выделяет связи между лингвистической формой вопроса и темой свободы в творчестве Василия Гроссмана.

Ключевые слова: тоталитарный язык; анти тоталитарный язык; проза В.С. Гроссмана, коммуникативная манипуляция; «Жизнь и судьба»; прагматика вопросов; диалог.

Целью настоящей статьи является исследование разных коммуникативных подходов, представленных в романе «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Речь идет не столько о стиле, сколько о типе коммуникативных процессов, выделяемых нами на основе различия между манипулятивной и неманипулятивной коммуникации¹. Таким образом, **методологически** наше исследование находится не в сфере литературоведения, а в области лингвистики текста, прагматики, теории коммуникации.

Лингвистический подход оправдан тем, что главная тема романа В. Гроссмана – борьба между отдельной личностью и тоталитарным государством, но одно из основных средств такой борьбы, как уже отмечено многими российскими и зарубежными исследователями (например, [2–6]), как раз коммуникация: в тоталитарном государстве статус слова, как мы покажем, тесно связан с властью. О том, что В. Гроссман осознавал такое влияние власти на человека, свидетельствуют многие металингвистические комментарии автора, на которых основаны наши замечания. Под металингвистическими комментариями мы понимаем высказывания, в которых автор описывает и комментирует механизмы и стиль коммуникации между героями романа или в обществе.

На первых же страницах романа сам В. Гроссман утверждает, что трагедия двадцатого века происходит и на уровне коммуникации: взаимопонимание людей невозможно по идеологическим причинам:

В этом мычании немых и в речах слепых, в этом густом смешении людей, объединенных ужасом, надеждой и горем, в непонимании, ненависти людей, говорящих на одном языке, трагически выражалось одно из бедствий двадцатого века (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 16)².

Правда, здесь автор описывает немецкий концентрационный лагерь, но в романе коммуникативные процессы (и не только), которые читатель наблюдает как в нацистском, так и в коммунистическом лагерях, по мнению Гроссмана, повторяются и в соответствующих обществах³.

Коммуникация тоталитарных обществ изучена уже давно разными исследователями (подробный обзор этих работ представлен в [13]). В частности, Ф. Том [12] описывает основные лингвистические характеристики такой коммуникации в советском об-

ществе. Понятия тоталитарного и анти тоталитарного языков обсуждались в начале 1990-х гг. в рамках социолингвистического анализа манипулятивных механизмов коммуникации в Советском Союзе (см. [2, 4, 5, 14, 15]).

Что касается тоталитарной коммуникации, основываясь на результатах исследований предшественников и собственных работ, посвященных творчеству В. Гроссмана (см. [8]), коротко суммируем следующие ее характеристики.

1. В тоталитарном государстве слово может обладать «решающей силой», как говорит партийный руководитель Гетманов, т.е. исполнительной властью, которой партия наделяет своих, и может решить судьбу людей:

Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, решающее слово Гетманова жадно слушали сотни людей <...> Сила его решающего слова заключалась в том, что партия доверила ему свои интересы в области культуры и искусства (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 68).

В терминологии теории речевых актов можно сказать, что одна из основных характеристик тоталитарного слова – это его перлокутивная сила [9]. Решающей силой слова наделяется тот, в руках которого находится наивысшая власть:

Одно его слово могло уничтожить тысячи, десятки тысяч людей. Маршал, нарком ... сегодня по одному гневному слову Сталина могли обратиться в ничто, в лагерную пыль» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 573).

2. Решающая, т.е. перлокутивная, сила слова – это самое очевидное влияние власти на коммуникативные процессы в тоталитарном обществе, но не единственное. «Логократия» тоталитарных государств [10] касается и референции, так как пропагандой власть может влиять на связь между опытом и словом, изменяя референциальное значение слова в соответствии с идеологией. Независимость идеологии от опыта подчеркивала и Ханна Арендт [11. С. 627, 644–645]. Это явление Д. Оруэлл изображал художественными средствами в романе «1984» как наивысшее выражение власти по отношению к языку: *newspeak* являет собой средство новой категоризации мира, по представлению партии. По Д. Оруэллу⁴, пропаганда опре-

деляет новый референт, в особенности посредством редукции полисемии слова. Советскому новоязу посвящены исследования [12, 13].

3. Наконец, влияние власти на коммуникацию выражается и в том, что партия решает, что можно и что нельзя сказать. Посредством цензуры и, еще важнее, самоцензуры она определяет предел выразимого и невыразимого. Такой запрет является ядром тоталитарной коммуникации: можно говорить только то, что соответствует идеологическому представлению реальности. Невыразимое, в свою очередь, становится содержанием доноса, обычного средства социального контроля в тоталитарном обществе. На самом деле, под угрозой доноса в каждом общении устанавливается строгий контроль и самоконтроль, присутствует постоянное, утомляющее напряжение.

Повседневная жизнь отравлена идеологическим ядом: шаблонными словами, стереотипными формулами (*кулак, враг народа* и т.д.), которые почти не имеют отношения к реальному опыту людей. Они производят двойное действие: препятствуют возможности вольной мысли и распространяют недоверие в человеческих отношениях. В. Клемперер замечает, что при нацизме стереотипные формулы были знаком «страха перед мыслящим существом, ненависти к рассуждению» [3. С. 18]. В «Мы» Е. Замятина ежедневное общение в тоталитарном обществе является автоматическим повторением формул, разработанных Единым Государством, определяющим даже способ произношения (скорость и ритм) речи.

В своем романе В. Гроссман противопоставляет новоязу так называемую **анти тоталитарную речь** [14], т.е. особую форму «языкового сопротивления». Н.А. Купина употребляет термин «языковое сопротивление», обозначающий или активную борьбу против новояза, или безразличие к нему и продолжение употребления дореволюционной речи [14]. Языковое сопротивление принимает, по Н.А. Купиной, разные формы: народную (шутки и частушки), субкультурную (песни бардов и т.д.) или индивидуальную (например, тексты Е. Замятина или М. Зощенко) [Там же].

В «Жизни и судьбе» анти тоталитарная речь чаще всего принимает форму повседневного разговора (и его шуточного варианта, вспомним знаменитые политические шутки советского периода) и борьбы с партийной терминологией [16].

В приватном диалоге люди переходят от обобщенных партийных категорий к личным подробностям, даже к пустякам, которые тоже становятся частью сопротивления тоталитаризму. Сила этих кухонных разговоров хорошо знакома, например, Марье Ивановне Соколовой, которая посещает друга своего мужа, Штрума, в день, когда Институт физики официально обвинил его в антисоветизме из-за его «идеалистических теорий». Марья Ивановна приходит и начинает разговор о детях, о продуктах, кажется, ее совсем не волнует тяжелое положение Штрума. Но Штрум хорошо понимает смысл ее поведения и комментирует про себя:

Она как бы подчеркивала, что нет силы, способной помешать людям оставаться людьми, что само могучее государство бессильно вторгнуться в круг

отцов, детей, сестер и что в этот роковой день ее восхищение людьми, с которыми она сейчас сидит, в том и выражается, что их победа дает им право говорить не о том, что навязано извне, а о том, что существует внутри (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 526).

Кроме искреннего домашнего диалога В. Гроссман показывает в романе еще одну форму лингвистического сопротивления: борьба с терминологией партии и ее эвфемизмами. Манипулирующая функция эвфемизма в новоязе очевидна [12. С. 53–57]. Хороший пример этого явления – скрытая полемика между двумя нацистами, «бреннером» Розенбергом, который занимается кремацией евреев, и его шефом, шарфюрером Эльфом:

Шарфюрер Эльф требует, чтобы тела называли фигурами, – сто фигур, двести фигур, но Розенберг зовет их: люди, убитый человек, казненный ребенок, казненный старик. Он зовет их так про себя, иначе шарфюрер впустит в него девять граммов металла, но он упорно бормочет: вот ты выходишь из ямы, казненный человек... не держись руками за маму, дитя, вы будете вместе, далеко ты не уйдешь от нее... «Что ты там бормочешь?» «Я ничего, это вам кажется». И он бормочет – борется, в этом его маленькая борьба... Позавчера была яма, где лежало восемь человек. Шарфюрер кричит: «Это издевательство, команда в двадцать бреннеров сжигает восемь фигур». Он прав, но что делать, если в деревушке было две еврейских семьи. Приказ есть приказ – раскопать все могилы и сжечь все тела... (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 141–142).

Мы кратко перечислили основные характеристики тоталитарной и анти тоталитарной коммуникации в романе «Жизнь и судьба». Сопоставление двух типов коммуникации позволяет наметить контуры каждой из них и исследовать особенности их языковой организации.

В этой статье мы сосредоточимся на основных характеристиках еще одного типа анти тоталитарной коммуникации, также представленной в романе. Мы назовем ее языком «жизни и свободы», так как жизнь и свобода для В. Гроссмана – две стороны одной медали:

В ее неповторимости, в ее единственности душа отдельной жизни – свобода. Отражение Вселенной в сознании человека составляет основу человеческой мощи, но счастьем, свободой, высшим смыслом жизнь становится лишь тогда, когда человек существует как мир, никогда никем не повторимый в бесконечности времени. Лишь тогда он испытывает счастье свободы и доброты, находя в других то, что нашел в самом себе (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 415).

Стремление к жизни-свободе – природа человека, что-то новое, непобедимое, вечное. В. Гроссман открыто утверждает это:

Претерпевает ли природа человека изменение, становится ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным? В ответе этом – судьба человека и судьба тоталитарного государства. Изменение самой природы человека сулит всемирное и вечное торжество диктатуре государства, в неизменности

человеческого стремления к свободе – приговор тоталитарному государству. <...>. Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но его нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 152–153).

Но подчеркнем, что задача статьи – изучение не философской, а собственно лингвистической природы этого типа антитоталитарной коммуникации: как выражается вечно новая жизнь-свобода, которую В. Гроссман в конце рассказа «Сикстинская Мадонна» обозначает и формулой «человеческое в человеке»?

Представим основные **результаты** исследования антитоталитарной коммуникации с заявленных позиций. Можно выделить следующие характеристики «языка свободы» В. Гроссмана.

1. *Слово как речевой акт отрицания.* Как известно, легче определить зло, чем добро, так как первое является отрицанием второго; таким же образом легче лгать, чем сказать правду; зло может быть многословным (вспомним, например, разговорчивого беса у Ф.М. Достоевского), а добро – апофатическим. Это положение вещей описывается и в «Жизни и судьбе»: язык идеологии – вредный, а доброта и истина выражаются немногими короткими словами, реализующими точные и ясные речевые акты, как, например, быстрое и решительное «нет» Иконникова, русского заключенного, отказывающегося сотрудничать с нацистами; за это он заплатит своей жизнью: его лагерный товарищ, итальянский священник Гуарди, признает священное значение отказа Иконникова почетительным поцелуем:

Я скажу 'нет'! Je dirai non, mio padre, je dirai non! <...> он поднес грязную руку Иконникова к губам и поцеловал ее (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 224).

Еще один пример преодоления апофатического добра – это заключительные строки письма Анны, матери главного героя романа, физика Штрума. В своем письме она прощается с сыном, она понимает, что скоро погибнет, как и другие евреи. Анна задает себе вопрос: «*Есть ли человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе?*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 62). И сама сразу дает ответ. Мать находит короткую формулу любви, ту, что выражает ее желание вечной жизни для сына, речевой акт оппозитивного повеления: «*Живи, живи, живи вечно... Мама*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 62).

2. «Свободные» и «умные» диалоги. Вторая лингвистическая форма свободной и живой коммуникации – откровенный диалог. Как известно, диалог осуществляется только при активном сотрудничестве собеседников (это необходимое условие его успеха). Поэтому в диалоге больше, чем в других формах общения, показывается, как искреннее общение, ясное и правдивое слово зависят от свободы участников. Думая о разговорах с Крымовым, Штрум восклицает: «*О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды! Какую страшную цену платили люди за несколько смелых, без оглядки высказанных слов*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 211).

Диалог – текстуальная форма встречи людей. Но в каждом диалоге есть риск неуспеха, когда участники

(например, в случае Ерёменко и Чуйкова) не умеют произнести ясное, освобождающее слово: «*Нет, не высказал Чуйков перед командующим фронтом всех своих опасений, тревог, мрачных мыслей. Но ни тот, ни другой не знали, в чем была причина их неудовлетворенности этой встречей. Главным в их встрече было надделовое, то, что оба они не сумели вслух высказать*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 36).

А когда диалог – успешный, он становится сильным средством сопротивления государственному насилию; достаточно подумать о вечерних разговорах друзей-ученых у Соколовых или о разговоре Жени с Лимоновым, тепло которого оживляет, хотя бы ненадолго, Евгению, уничтоженную мраморным холодом советского бюрократа Гришина:

Придя в теплую, полную книг и журналов комнату Лимонова, куда вскоре пришли еще двое пожилых остроумных, любящих искусство людей, она все время холодеющим сердцем чувствовала Гришина.

Но велика сила свободного, умного слова, и Женя минутами забывала о Гришине, о тоскливых лицах в очереди. Казалось, ничего нет в жизни, кроме разговоров о Рублеве, о Пикассо, о стихах Ахматовой и Пастернака, драмах Булгакова.

Она вышла на улицу и сразу же забыла умные разговоры (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 85).

Во время успешного диалога можно найти слова, открывающие истину, может быть и ту, что относится к личной жизни, как случается в диалоге солдата Грекова с Крымовым. Партийная самоуверенность Крымова исчезает перед пронизательностью, с которой Греков угадывает тоску комиссара по бывшей жене: «*Глаза у вас хорошие <...>. Тоскуете вы*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 318). Эти слова останутся навсегда в глубине души Крымова и в момент отчаяния помогут ему снова найти себя.

3. *Авторские высказывания и комментарии.* «Свободное, умное слово» произносится не только во время откровенного диалога, но и в высказываниях, которыми не повествователь, а сам автор эксплицитно открывает читателям смысл данного нарративного эпизода. Например, в Саратовском госпитале Людмила ищет Толю, раненого сына. Ее неловко встречают знакомые люди: хирург Майзель скрывает свои руки, которыми он не только не смог спасти раненого солдата, но даже ускорил его смерть; комиссар говорит с матерью, не смотря ей в глаза; медсестра Терентьева не может сдерживать слезы... и после всей этой неловкости автор открывает всем простую историческую и человеческую правду: «*Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына, и тщетно пробуют оправдаться перед ней на протяжении истории человечества*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 104).

В своих авторских высказываниях В. Гроссман выражает «ясную силу»⁵ свободного и умного слова, к которому стремятся многие герои романа. Их сила состоит в том, что они сводят сложную реальность жизненных и исторических событий к ясной простой истине, и не только окончательной, но и обыденной, ежедневной: ведь сила истины действует одинаково. Образцовый пример этого приема – авторский ответ на многочисленные вопросы, которыми задается

Александра Владимировна перед разрушенным бомбами домом, вопросы о судьбе ее родственников. В этом ответе В. Гроссман объясняет и название романа:

...стоит и смотрит на развалины своего дома, и любит весенним небом, и даже не знает того, что любит им, стоит и спрашивает себя, почему смутно будущее любимых ею людей, почему столько ошибок в их жизни, и не замечает, что в этой неясности, в этом тумане, горе и путанице и есть ответ, и ясность, и надежда, и что она знает, понимает всей своей душой смысл жизни, выпавшей ей и ее близким, и что хотя ни она и никто из них не скажет, что ждет их, и хотя они знают, что в страшное время человек уж не кузнец своего счастья и мировой судьбе дано право миловать и казнить, возносить к славе и погружать в нужду, и обращать в лагерную пыль, но не дано мировой судьбе, и року истории, и року государственного гнева, и славе, и бесславию битв изменить тех, кто называется людьми, и ждет ли их слава за труд или одиночество, отчаяние и нужда, лагерь и казнь, они проживут людьми и умрут людьми, а те, что погибли, сумели умереть людьми, — и в том их вечная горькая людская победа над всем величественным и нечеловеческим, что было и будет в мире, что приходит и уходит» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 644).

4. *Вопросы.* Отдельные слова в качестве речевых действий, диалоги и авторские высказывания — вот языковые средства, с помощью которых автор передает смысл сложных исторических и личных событий, т.е. признает тот факт, что в человеке всегда остается неизменным желание вечной жизни и свободы. К этому списку средств языка жизни и свободы надо добавить еще один лингвистический элемент: высшую форму свободного слова, т.е. вопрос.

Как известно, далеко не все вопросительные предложения выражают вопрос⁶. Вопросительное предложение, хотя является предпочтительным лингвистическим выражением вопросов, может выполнять и другие прагматические функции⁷. Например, играть роль скрытого ассерта [17. С. 93], что в русском языке отмечается возможностью графически завершить фразу точкой: «Понять это трудно, но разве все в жизни легко поймешь» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 369).

Содержательные и коммуникативные условия настоящих вопросов давно являются объектом философских и лингвистических исследований⁸ [17–19]. Обобщая, можно сказать, что настоящий вопрос ориентирован на дополнение со стороны собеседника, поэтому пропозициональное содержание вопросов всегда открытое; какую бы ни исполнял вопрос прагматическую функцию, общая характеристика вопроса — это призыв к ответу собеседника, следственно ассертивная и повелительная функции не конгруэнтны открытости вопроса, даже когда они выражаются вопросительными предложениями [17. С. 71].

Существуют разные типы вопросов: 1) *информативные вопросы*, исполняющие классическую прагматическую функцию просьбы об информации или мнении; 2) так называемые *проблемные вопросы*, которые тематизируют неясный или трудный вопрос и 3) *вопросы-просьбы об утверждении*; эту функцию в

русском языке можно сигнализировать маркером *ли*: «Вы согласны со мной, не так ли?», — хотя это не обязательно, или более разговорной частицей *же*.

В романе В. Гроссмана, конечно, можно найти всевозможные типы вопросительных предложений, с канонической функцией вопроса или другими неканоническими прагматическими функциями. Наша цель — это анализ только тех типов вопросительных предложений, которыми, по нашему мнению, чаще всего выражается «сила свободного, умного слова» в «Жизни и судьбе».

Речь идет о двух типах вопросительных предложений:

1. Вопросы, выражающие удивленную, иногда и изумленную констатацию положения дел, часто маркированные частицей *неужели* [20, 21]. Имплиcitное речевое содержание таких вопросительных предложений — просьба об объяснении неожиданного и немыслимого.

2. Проблемные вопросительные предложения, на которые нет очевидного ответа; они являются стимулом для размышления, совместного или самостоятельного (во внутренних монологах). Поэтому проблемные вопросы обычно отменяют призыв к ответу, но это не значит, что ответ исключается — вопросы же настоящие, только ответы пока не находятся.

Первый тип вопросительных предложений часто маркирует переход в сознании героев романа, благодаря которому открывается некая истина. Они возникают, когда герой переживает что-то важное, что ему трудно осознать, что не совпадает с его представлением о реальности, неожиданное.

Например, перед знаменитым и уже разрушенным немцами домом 6/1 единственный случайно спасшийся солдат спрашивает себя: «*Неужели всех вас убило, братья мои?*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 325), и читателю понятно, что это не столько вопрос, а удивленная констатация положения дел, которая маркируется в русском языке словом *неужели* [20. С. 146–155]; не случайно двойственная прагматическая функция предложений этого типа отмечается тем, что в конце фразы иногда ставят вопросительный, а иногда восклицательный знак: «*Неужели он не увидит её!*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 568). Подумаем еще об изумленных вопросах Анны Штрум перед человеческим злом (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, гл. 18), или Крымова, лишнего человека своего времени.

Такого же типа, как кажется, и смущенный вопрос старого Андреева, получившего известие о смерти жены: «*Неужели он сидел когда-то в светлой комнате, завтракал перед работой и рядом стояла жена и глядела на него: давать ли ему добавку? Да, осталось ему умереть одному*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 190). Или вопрос Штрума после восторга от открытия нового физического закона (открытия целой исследовательской жизни), вопрос, который свидетельствует, что ученый еще не пережил шок от убийства матери, что в сердце у него незажившая рана: «*Штрум пожимал плечами, морщил лоб, — неужели мама никогда, никогда не узнает о нынешних делах своего сына*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 262).

Удивленный вопрос возникает и в голове Мостовского, смутившегося от неожиданных слов нациста Лисса: *«Михаил Сидорович смотрел на Лисса и думал: "Неужели эта подлая болтовня на миг смутила меня? Неужели я мог захлебнуться в этом потоке ядовитой, смердящей грязи?"»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 298); *«И снова страх охватил его: неужели Лисс не лгал, неужели без тайной жандармской цели человеку хотелось говорить с человеком?»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 396).

Такой же вопрос передает удивление Крымова, осознавшего низость своих действий, и говорит об ответственности каждого, живущего в тоталитарном обществе:

А вот имеются какие-то люди – обычно это старухи, домашние хозяйки, беспартийные мещанки, – через них посылают в лагеря посылки, на их адрес получают из лагерей письма, и они почему-то не боятся. Иногда эти старухи – домашние работницы, безграмотные няньки, полные религиозных предрассудков, они берут к себе сирот, оставшихся от арестованных отцов и матерей, спасают детей от жизни в приемниках и детдомах. А члены партии боятся этих сирот как огня. Неужели эти старые мещанки, тетки, безграмотные няньки честней, мужественней большевиков-ленинцев, Мостовского, Крымова? Но почему, почему, неужели страх? Одна лишь трусость?» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 394).

Наконец, вопросом этого типа выражена боль от неизмеримого горя лагерей: *«Неужели можно существовать, видя, как с новой силой вспыхнуло зарево в небе – то горят руки, которые он целовал, глаза, радовавшиеся ему, волосы, чей запах он узнавал в темноте, то его дети, жена, мать?»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 404).

Вопросы второго типа, проблемных⁹, в размышлениях героев «Жизни и судьбы» очень много. Например, в монологе Софьи Осиповны в темном вагоне эшелона, на дороге в лагерь:

Она слушала бормотания, вскрикивания и думала, что в спящих, воспаленных головах сейчас с ужасной живой силой стоят картины, которые словами уже не передать. Как сохранить, как запечатлеть их, – если человек останется жить на земле и захочет узнать о том, что было?» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 141).

Они характеризуют не только размышления угнетенных, но и угнетающих, к примеру нацистского Лейтенанта Баха:

Он не убивал детей и женщин, никого не арестовывал. Но он сломал хрупкую плотину, отделявшую чистоту его души от грязи, клокавшей вокруг. И кровь лагерей и гетто хлынула на него, подхватила, понесла, и уж не стало грани между ним и тьмой, он стал частью этой тьмы.

Что же это произошло с ним, – бессмысленность, случай или то законы его души?» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 552–553).

Проблемные вопросы, на которые ответ есть, но не непосредственный, свидетельствуют о человеческой способности размышлять. Поэтому они являются

наивысшим выражением «ясного и умного слова», особенно когда их задает не герой, а сам В. Гроссман, свидетель своего времени (не забудем, что В. Гроссман одним из первых вошел в Треблинку вместе с солдатами Красной Армии).

Здесь видна сугубо позитивная функция вопроса: искренний, открытый вопрос – начало новой жизни, потому что его коммуникативная природа – это обращение к собеседнику, призыв ответить. Проблемные вопросы далеко не риторические, они предполагают существование собеседника и ответа (хотя и трудно уловимого), они маркируют открытое коммуникативное положение говорящего.

Вопросы автора в романе В. Гроссмана особенно сильны по отношению к главной трагедии тоталитаризма, и мы встречаем их во многих авторских рассуждениях романа. Завершить эту статью мы хотели бы тоже проблемным вопросом, но не из «Жизни и судьбы», а из финальной части рассказа «Сикстинская Мадонна»:

Мы стоим перед ней, молодые и седые люди, живущие в России. Стоим в тревожное время... Не зажили раны, еще чернеют пожарища, еще не устоялись курганы над братскими могилами миллионов солдат, наших сыновей и братьев.

Еще стоят опаленные, мертвые тополи и черешни над сожженными заживо деревьями, растет тоскливый бурьян над сгоревшими в партизанских селах телами дедов, матерей, хлопцев, девчат. Еще заваливается, шевелится земля над рвами, где лежат тела убитых еврейских детей и их матерей. Еще стоит вдовий плач по ночам в несметном числе русских изб, белорусских и украинских хат. Все пережила Мадонна с нами, потому что она – это мы, потому что сын ее – это мы.

И страшно, и стыдно, и больно – почему так ужасна была жизнь, нет ли в этом моей и твоей вины? Почему мы живы? Ужасный, тяжелый вопрос – задать его живым могут лишь мертвые. Но мертвые молчат, не задают вопросов (В. Гроссман. Сикстинская Мадонна).

Правда, «мертвые молчат, не задают вопросов», но в творчестве В. Гроссмана их голоса снова стали слышны, они спрашивают, хотят узнать смысл своей жизни и своей судьбы. В таком вопросе о смысле – больше, чем в ответе, который писатель смог найти (человеческое в человеке) – и скрывается сила умного и свободного слова В. Гроссмана, сила истины.

Таким образом, в тексте В. Гроссмана выявлены лингвистические формы свободной и живой коммуникации: 1) слово как лингвистический акт отрицания, приобретающего в рассматриваемых ситуациях огромную утвердительную силу; 2) откровенный диалог; 3) авторское «свободное слово»; 4) вопросы, среди которых следует выделить прежде всего неужели-вопросы, представляющие собой удивленную констатацию положения дел, и проблемные вопросы, очевидного ответа на которые нет.

Исследуемая в настоящей статье речь героев и автора романа и есть проявление гуманизма в высшем философском смысле этого слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В основном коммуникация бывает манипулятивной, когда говорящий сообщает часть информации, но представляет ее как исчерпывающую, т.е. как абсолютную. В этом отношении манипуляция отличается от простой неправды [1. С. 124].
- ² Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» цитируется по следующему изданию: Гроссман В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Вагриус, 1998. Т. II.
- ³ О сходстве коммуникации при нацизме и коммунизме см. [5, 6].
- ⁴ Orwell G. 1984. Milano : Mondadori, 2005. 308 p.
- ⁵ «О, ясная сила свободного, веселого слова! Она в том и проявляется, что вопреки страху его вдруг произносят» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 212); «Но велика сила свободного, умного слова!» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. С. 85).
- ⁶ Полное представление таких исследований невозможно в рамках настоящей статьи. Здесь достаточно вспомнить классическое размышление о вопросе Квинтилиана (Quintiliano, *De oratore*, IX, 2, 7–16). Хороший синтетический обзор типологии вопросов в [17]: на него мы будем опираться для классификации вопросов в настоящей статье.
- ⁷ Кажущиеся вопросы преобладают в этикетной речи. Всем известно, например, что «Вам налить?» выражает предложение, «Передашь мне соль?» – просьбу, «А маме помочь у тебя нет времени?» – упрек. Невопросительные функции вопросительных предложений иногда маркируются специальными лингвистическими единицами; как, например, частицы *разве* и *неужели*, маркирующие соответственно удивленную констатацию или скрытую асерцию.
- ⁸ Дж. Гоббер выделяет традиционное различие между так называемыми верифицирующими (общими, удостоверительными) вопросами и комплементативными (частными). В первых (простых или альтернативного типа [17. С. 374]) текст опирается на общий опыт, контекст и общие знания. Например, «Ты был на балете?» подразумевает, что собеседники знают, о чем идет речь, и спрашивается о том, совершилось ли известное или нет. Во втором типе вопросов незнакомый элемент связан с определенной вопросительной рамкой (*objectum quaestionis*), выражаемой вопросительным предложением. Например: «Что продается в этом магазине?» [19. С. 11]. Эти вопросы открытым предложением описывают не совершенное положение дел.
- ⁹ Когда герои романа спрашивают себя о будущем, они задают себе проблемные вопросы, которые помогают развить нарративный кругозор читателей: уже процитированные вопросы Анны Владимировны перед развалинами Сталинграда выполняют такую нарративную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rigotti E., Cigada S. La comunicazione verbale. Milano : Apogeo, 2006. 333 p.
2. Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa : Wyd. PEN, 1991. 146 p.
3. Klempner V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig : Reclam Verlag, 1975. 355 p.
4. Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
5. Young J.W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville : University Press of Virginia, 1991. 320 p.
6. Сарнов В. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М. : Материк, 2002. 600 с.
7. Weiss D. Was ist neu am "Newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985 / R. Rathmayr. München : Otto Sagner Verlag, 1986. S. 247–325.
8. Bonola A. Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman // Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo / G. Maddalena, P. Tosco. Rubbettino : Soveria Mannelli, 2007. P. 89–129.
9. Austin J. How to do things with words. Oxford : Clarendon Press, 1962. 179 p.
10. Besançon A. Court traité de soviétologie à l'usage des autorités civiles, militaires et religieuses. Paris : Hachette, 1976. 125 p.
11. Arendt H. Le origini del totalitarismo. Milano : Edizioni di Comunità, 1989. 710 p.
12. Thom F. Newspeak. The Language of Soviet Communism. London ; Lexington : The Claridge Press, 1989. 218 p.
13. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. Paris : Institut d'Etudes slaves, 1985. 362 p.
14. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 176 с.
15. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4/4. С. 37–53.
16. Bonola A. Forza chiara e libera della parola. Forme linguistiche in Vita e Destino // L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman fra ideologie e domande eterne / P. Tosco. Soveria Mannelli : Rubbettino, 2011. P. 301–331.
17. Gobber G. Pragmatica delle frasi interrogative. Con applicazioni al tedesco, al polacco e al russo. Milano : ISU-Università Cattolica, 1999. 316 p.
18. Paducheva E.V. Question-answer correspondence Question-answer correspondence // Language and discourse: test and protest. A Festschrift for Petr Sgall / I. Mey. Amsterdam : Benjamins, 1986. P. 373–382.
19. Gobber G. Una nota sul contenuto proposizionale delle domande // Analisi Linguistica e Letteraria. 2011. XIX/1. P. 7–32.
20. Rathmayr R. Die russischen Partikeln als Pragmalexeme. München : Otto Sagner, 1985. 353 p.
21. Bonola A. Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – *Igrok* – di F.M. Dostoevskij) // *Sýndesmoi*. Connettivi nella realtà del testo / G. Gobber, S. Cigada. Milano : Vita e Pensiero, 2006. P. 199–220.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2017 г.

LINGUISTIC FORMS OF TOTALITARIAN AND ANTITOTALITARIAN COMMUNICATION IN *LIFE AND FATE* BY VASILY GROSSMAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 16–22.

DOI: 10.17223/15617793/420/2

Anna P. Bonola, Catholic University of the Sacred Heart (Milan, Italy). E-mail: anna.bonola@unicatt.it

Keywords: totalitarian speech; antitotalitarian speech; prose by V. Grossman; manipulation of communication; *Life and Fate*; pragmatics of questions; dialogue.

The author focuses on the linguistic forms of a confrontation between heroes of the novel *Life and Fate* by V. Grossman and the so-called “Newspeak” of the Soviet Era. The main idea is that it is not only the author’s own speech but also the speech of his characters that conveys the invincibility of the human desire for freedom. The study describes the different communicative approaches represented in Grossman’s novel. The author does not provide a stylistic analysis, but a linguistic one, trying to distinguish between manipulative and non-manipulative communication. So, the methodological approach of this study is a linguistic one, and its first presents the author’s arguments, explaining the importance of using linguistic analysis for *Life and Fate*. The study begins with a short analysis of the main characteristics of totalitarian communication (perlocutionary effect of the word, changes in word’s refer-

ence, reduction of polysemy, logocracy and label-words, censorship, denunciation and self-denunciation) and then shows two types of anti-totalitarian speech represented in the novel as well. The first one is a reactive linguistic resistance, expressed by everyday, non-ideological and colloquial conversation, on the one hand, and a more or less evident struggle against ideological euphemisms, on the other hand. The second type of anti-totalitarian speech is the so called language of life and freedom (in Grossman's thought these are two sides of one reality). Linguistic forms of free live communication are the following: 1) a word as a linguistic act of denial, acquiring a huge affirmative force in these situations; 2) free and intellectual dialogue; 3) the author's comments; 4) questions, in which the author is primarily focusing on do-issues of a surprised statement and problem questions that do not suppose any obvious answer. The article analyzes the four forms, and numerous examples show that in the novel they express a positive idea that the free human nature does not change even in a totalitarian society. The linguistic analysis points out the relationship between the linguistic form of questions and the theme of freedom in Grossman's novel.

REFERENCES

1. Rigotti, E. & Cigada, S. (2006) *La comunicazione verbale* [The verbal communication]. Milan: Apogeo.
2. Głowiński, M. (1991) *Nowomowa po polsku* [The newspeak in Polish]. Warsaw: Wyd. PEN.
3. Klemperer, V. (1975) *LTI. Notizbuch eines Philologen* [LTI. Notebook of a philologist]. Leipzig: Reclam Verlag.
4. Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk. Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language. Dictionary and speech reactions]. Ekaterinburg; Perm: Ural State University; ZUUNTs.
5. Young, J.W. (1991) *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville: University Press of Virginia.
6. Sarnov, V. (2002) *Nash sovetskiy novoyaz. Malen'kaya entsiklopediya real'nogo sotsializma* [Our Soviet newspeak. A small encyclopedia of real socialism]. Moscow: Materik.
7. Weiss, D. (1986) Was ist neu am "Newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik der Sowjetunion [What is new on "Newspeak"? Reflections on the language of the Soviet Union policy]. In: Rathmayr, R. (ed.) *Slavistische Linguistik 1985* [Slavic Linguistics 1985]. Munich: Otto Sagner Verlag.
8. Bonola, A. (2007) Discorso totalitario e dissenso linguistico in Vita e destino di Vasilij Grossman [Totalitarian Discourse and Language Discourse in "Life and Fate" by Vasily Grossman]. In: Maddalena, G. & Tosco, P. (eds) *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo* [The novel of freedom. Vasily Grossman among the classics of the twentieth century]. Rubbettino: Soveria Mannelli.
9. Austin, J. (1962) *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press.
10. Besançon, A. (1976) *Court traité de soviétologie à l'usage des autorités civiles, militaires et religieuses* [Short treatise on sovietology for the use of civil, military and religious authorities]. Paris: Hachette.
11. Arendt, H. (1989) *Le origini del totalitarismo* [The origin of totalitarianism]. Milano: Edizioni di Comunità.
12. Thom, F. (1989) *Newspeak. The Language of Soviet Communism*. London; Lexington: The Claridge Press.
13. Seriot, P. (1985) *Analyse du discours politique soviétique* [Analysis of the Soviet political discourse]. Paris: Institut d'Etudes slaves.
14. Kupina, N.A. (1999) *Yazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoy kul'tury* [Language resistance in the context of totalitarian culture]. Ekaterinburg: Ural State University.
15. Wierzbicka, A. (1993) Antitotalitarnyy yazyk v Pol'she: mekhanizmy samooborony [Antitotalitarian language in Poland: mechanisms of self-defense]. *Voprosy yazykoznaviya*. 4/4. pp. 37–53.
16. Bonola, A. (2011) Forza chiara e libera della parola. Forme linguistiche in Vita e Destino [Clear and free strength of the word. Linguistic Forms in Life and Fate]. In: Tosco, P. (ed.) *L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman fra ideologie e domande eterne* [Human in man. Vasily Grossman among ideologies and eternal questions].
17. Gobber, G. (1999) *Pragmatica delle frasi interrogative. Con applicazioni al tedesco, al polacco e al russo* [Pragmatics of interrogative phrases. With applications to German, Polish and Russian]. Milan: ISU-Università Cattolica.
18. Paducheva, E.V. (1986) Question-answer correspondence. In: Mey, L. (ed.) *Language and discourse: test and protest. A Festschrift for Petr Sgall*. Amsterdam: Benjamins.
19. Gobber, G. (2011) Una nota sul contenuto proposizionale delle domande [A note on the propositional content of the questions]. *Analisi Linguistica e Letteraria*. XIX/1. pp. 7–32.
20. Rathmayr, R. (1985) *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme* [The Russian particles as pragmalexemes]. Munich: Otto Sagner.
21. Bonola, A. (2006) Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – Igrok – di F.M. Dostoevskij) [Particles as manifestations of the connective in Russian (with examples from The Player by F.M. Dostoevsky)]. In: Gobber, G. & Cigada, S. (eds) *Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo* [Sýndesmoi. Connected to the reality of the text]. Milan: Vita e Pensiero.

Received: 18 June 2017